

Людмила Константиновна Нефедова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Иммануил Кант в рецепции омских историков и философов

Аннотация. Статья обобщает итоги круглого стола «И. Кант: время, личность, философия», прошедшего 1 декабря 2023 г. на факультете истории, философии и права Омского государственного педагогического университета и посвященного 300-летию со дня рождения великого немецкого ученого. Участники обсуждения, омские историки и философы, подчеркнули значение трудов Канта для современной философии, определили специфику «кантовских мотивов» в литературе, истории, культуре и системе образования новейшего времени. Обзор мнений, представленных в рамках обсуждения, подготовлен модератором собрания доктором философских наук Л. К. Нефедовой.

Ключевые слова: Кант, познание, культура, априори, императив, история, философия, религия.

Благодарности. Участники круглого стола благодарят за поддержку руководство Омского государственного педагогического университета и лично Е. В. Черненко, проректора по учебной работе, декана факультета истории, философии и права.

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

Immanuel Kant in the Reception of Omsk Historians and Philosophers

Abstract. The article summarises the results of the round table “I. Kant: Time, Personality, Philosophy” held on December 1 2023 at the School of History, Philosophy and Law of Omsk State Pedagogical University and devoted to the 300th anniversary of the birth of the great German scientist. The participants of the discussion, Omsk historians and philosophers, emphasised the importance of Kant’s works for modern philosophy, identified the specificity of “Kantian motifs” in literature, history, culture and education system of modern times. An overview of the opinions presented during the discussion was prepared by the moderator of the meeting, Doctor of Philosophical Sciences L. K. Nefedova.

Keywords: Kant, cognition, culture, a priori, imperative, history, philosophy, religion.

Acknowledgements. The participants of the round table are grateful for the support of the management of Omsk State Pedagogical University and personally E. V. Chernenko, Vice-Rector for Academic Affairs, Dean of the Faculty of History, Philosophy and Law.

Введение (Introduction)

В 2024 г. отмечается 300 лет со дня рождения выдающегося немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804). Близость юбилейной даты инициировала обсуждение влияния идей Канта не только на развитие философской мысли, но и на широкий социокультурный контекст.

В Омском государственном педагогическом университете был организован круглый стол «И. Кант: время, личность, философия», позволивший историкам и философам университета поделиться разнообразными «кантовскими сюжетами».

Методы (Methods)

Круглый стол представляет междисциплинарный полилог, сочетающий научно-академические традиции и дискуссионность. Результаты круглого стола представлены в виде стенограммы.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Л. К. Нефедова^{*}: Личность Канта раскрывается во многом в его «Метафизике нравов», в частности в размышлении

^{*} Людмила Константиновна Нефедова, заведующий кафедрой философии Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), доктор философских наук, профессор.

«О вещно-личном праве», в котором говорится о возможности приобретения мужчиной — женщины, четой — детей, а семьей — прислуги. Эти приобретения неотчуждаемы, и владелец имеет на них право. Взгляд Канта на брак как половое общение по животной природе или по закону кажется мне довольно резким, если не сказать — грубым. Poleмично и его заявление, что деторождение не является прямой целью брака. Однако вполне согласна, что брак, по Канту, определен долгом человека перед самим собой, а отсюда вытекает необходимость заботы о потомстве. Иными словами, дети имеют прирожденное, а не унаследованное право на заботу родителей.

Кант обращается к идее свободы ребенка, явившегося результатом определенного физического акта, без желания на то самого ребенка. Появление ребенка возлагает на родителей обязанность заботы о нем. Но ребенок не изделие и не собственность родителей — они произвели гражданина мира, а не продукт для своего пользования. Отсюда вытекает уже не обязанность, но право родителей на поддержание и формирование своего ребенка до поры, пока он не окрепнет физически и интеллектуально. При этом родители не должны претендовать на возмещение расходов, хотя могут претендовать на благодарность. Получается, что, хотя детей нельзя рассматривать как собственность родителей, дети принадлежат к твоё и моё родителей и могут быть против их собственной воли возвращены родителям из владения любого другого лица. Родители также могут поймать и вернуть сбежавших из дома детей и вправе «...завладеть ими, как вещами (как сбежавшими домашними животными)...» [1, с. 197]. Что касается благодарности, то Кант относит благодарность к казуистическим вопросам, рассматривая ее как универсальное необходимо возникающее чувство признательности за благодеяние. Понимание им отношения родителей к своему ребенку попадает в разряд понятия благодеяния, однако Кант оставляет за скобками необходимость у детей чувства признательности и благодарности родителей.

Отметим актуальность представленных размышлений. Осмысляя моральный закон внутри человека, Кант выявляет правовые лакуны, которые в наше время стали ловушками в разработке правовых кодексов и в судебно-правовых практиках, ведя к нарушению морального закона внутри человека. Таковыми являются ювенальная юстиция, абсолютизирующая, с одной стороны, правовую субъектность ребенка, с другой стороны, возрастные ограничения к несению юридической ответственности. Полагаем, что, опираясь на известную максиму и категорический императив Канта в вопросах семейного права, в настоящее время не просто возможно, но необходимо откорректировать ряд положений в отношении ответственности родителей за достойное воспитание детей и ответственность детей за правонарушение.

Е. Ю. Навойчик*: Я скажу о личности И. Канта в свете метафоры «царство свободы» в современном образовательном дискурсе. В содержании обществоведческого

образования духовная сфера представляет собой наиболее сложный контент, причем как для понимания учеников, так и для преподавания учителем, во многом потому, что методологические основания здесь философские, поэтому необходимо раскрывать такие темы, как религия, свобода, истина, мораль. Эти мировоззренческие вопросы вызывают особый интерес и у обучаемых, и у педагогов, так как имеют непосредственное отношение к процессам самоидентификации. Необходимо не просто знакомить с теорией в «закрытом» виде, представляя результаты аккумулированной научной мысли, а стараться вести дорогой поиска, показывая, как создавались те или иные концепции. Например, раскрывая темы, связанные с такой формой духовной культуры, как мораль, невозможно обойти вниманием этику Канта. Наибольшую сложность в объяснении категории морали в практике представляют механизмы нравственного регулирования — совесть и долг, а само понятие, как правило, отождествляется с нравственностью, что приводит к когнитивным и ценностным искажениям.

Студенты и старшеклассники не видят разницы между тем, что поддерживается традицией и в случае ее нарушения чревато социальными санкциями, и тем, что основано на свободной воле, нравственном выборе и имманентно присуще индивиду согласно этике Канта и его категорическому императиву. В результате такого отождествления духовная ценность морали, а главное, нравственный ценностный выбор личности не понимается как ключевая особенность морали.

Невозможно обойти вниманием Канта, раскрывая понятие культуры, показывая антропоцентризм последней, ее обособленность от природного мира и связь с ним. Согласно Канту, мы говорим о культуре как движении от «царства необходимости» к «царству свободы», подчеркивая не только эволюцию этого процесса, но и глобальность этой сферы бытия индивида, где он способен побеждать природное в себе в результате нравственного волевого выбора. Цитируя студентам любимое изречение Канта о том, что удивление вызывают две вещи — звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас, вижу, что ценность морали в этот момент осознается ими в полной мере.

А. А. Стегнюшин**: В философско-правовых исследованиях культуры достаточно часто можно встретить упоминание о том, что именно И. Канту принадлежит формирование основ философского понимания ценности как ключевой составляющей аксиологии права. Для аксиологии права основное значение имеет соотношение базовых ценностей: равенства, свободы и справедливости. Трактовка И. Кантом понятия «ценность» позволяет выходить именно на этот уровень, так как содержит противопоставление реального и идеального, должного и свободы. Этот априорный мир должного конструируется Кантом в отрыве от мира сущего и в противостоянии с ним (с эмпирическим «бытием», со сферой фактических явлений, отношений и т. д.), где царят причинно-следственные связи и необходимость.

В теориях, предшествующих И. Канту, ценность складывалась из внешних по отношению к ней положений,

* Евгения Юрьевна Навойчик, заведующий кафедрой отечественной истории ОмГПУ, кандидат философских наук, доцент.

** Антон Александрович Стегнюшин, доцент кафедры отечественной истории ОмГПУ, кандидат исторических наук.

определялась обществом или Богом, стремлением человека к удовлетворению потребностей. В своих размышлениях И. Кант писал, что «...ценность всех *приобретаемых* благодаря нашим поступкам предметов всегда обусловлена. Предметы, существование которых хотя зависит не от нашей воли, а от природы, имеют тем не менее, если они не наделены разумом, только относительную ценность как средства и называются поэтому *вещами*...» [2, с. 269]. Понимание относительности ценности выводит нас на уровень сопоставления должного и реального, что является ключевым для аксиологии права. Благодаря И. Канту в философских учениях произошла связь понятий ценности и личности, именно такой подход является базовым для современных философско-правовых исследований.

Н. В. Федорова*: В эпоху И. Канта можно отметить прорыв в науке, технике, искусстве и революционной деятельности, в которых проявилось стремление человека к свободе, совершенству, что не могло не отразиться на идеях философа. В «Метафизике нравов» И. Кант характеризует принцип становления и называет его практическим разумом, приписывая становящейся культуре категорический императив. Из этого выводится актуальность изменчивости нормы и ненормального. Они, как правило, изменяются резко и достаточно кардинально. Большинство членов общества не только видят в себе продолжателей дел своих предков, но и привносят в дела что-то новое, ранее недопустимое. Когда ненормальное в обществе достигает критической массы, реакция пассионариев и новаторов на него становится неизбежной.

Говоря о свободе, Кант называет ее необходимым условием морального закона, а понятие морали он напрямую связывает с безусловным долженствованием, которое возникает из практического разума, индивидуального у каждого человека. В понимании индивидуального Кант близок Дж. Локку. И моральный закон, и свобода возникают из разума, а значит, будут индивидуальны в каждом отдельно взятом случае. При этом Кант постулирует идею не внешнего, а внутреннего нормирования по отношению к человеку.

Некоторые высказывания философа позволяют интерпретировать его позицию так, что изначальный выбор в пользу добра или зла человек делает в момент своего появления в этом мире, что противоречит возможности разумного выбора. В подтверждение такой интерпретации философ высказывает мнение о необходимости для человека внешних стимулов к исполнению морального долга в силу испорченности человеческой воли и изначальному стремлению уклоняться от блага.

Противоречивость в позиции И. Канта, на наш взгляд, указывает на то, что проблема возникновения нормы и ненормального, а также возможность выбора человеком той или иной позиции оставались трудно разрешимыми и актуальными для философии его времени. Об этом свидетельствует и развитие данной идеи И. Канта в творчестве И. Г. Фихте, который, пытаясь преодолеть дуализм пред-

шественника, оспаривал идею невозможности получения удовольствия от нормальных с точки зрения нравственности поступков. Рассуждая об этическом вопросе, философ утверждает, что для человека возможно радостное исполнение требований нормы.

М. К. Чуркин**: Кант, формулируя идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане, определял генеральный план природы как необходимый формат исторического процесса. Философом была сформулирована проблема истории, как времени большой протяженности, разбитого на разные дистанции, в границах которых возможно временное торжество зла (революции, войны, тиранические режимы), но в конечном итоге природа выводит человеческий род к состоянию покоя в безопасности и законосообразном устройстве. Морально-прагматический подход И. Канта оказался воспринят историками Гейдельбергской исторической школы (Л. Гейссер, Г. Гервинус), представители которой сместили исследовательские акценты от традиционных исторических сюжетов Античности и Средневековья к современности, занимаясь не только политической, но и этнографической историей в обозримой исторической ретроспективе.

В эпоху Просвещения была создана почва для историко-культурной революции первой половины XIX в. Несмотря на то что в XVIII в. продолжала функционировать традиционная модель дифференциации историков на эрудитов и философов, именно в творчестве немецких философов и историков наметилась тенденция к сближению этих профессий и способов репрезентации истории. Тот факт, что И. Кант обратился к теоретико-методологической и гносеологической проблематике, в то время как его английские и французские коллеги были озабочены разработкой государственно-правовой политической теории, во многом объясняется социально-политическими обстоятельствами, в частности жестким контролем со стороны режима германской власти и атмосферным фоном разочарования в результатах Французской революции. Однако усилиями Канта в этот период рождается формула профессионального сообщества, в которой расположенность к общественному и индивидуальному в человеческом роде представляет собой антагонизм, при помощи которого природа осуществляет развитие всех задатков человека. Под влиянием рассуждений И. Канта в немецкой историографии возникает сила сопротивления, направленная к профессионализации работы историка, выполняющего все исследовательские процедуры: от поиска источников к их интерпретации и «вшиванию» в канву всемирного исторического процесса.

Философские представления И. Канта о критике как процессе уяснения возможностей и границ познавательных способностей человека не могли не воздействовать и на инструментальные приемы работы с историческим источником.

Д. М. Федяев***: Отвечая на вопрос о том, как возможна математика, Кант утверждает, что пространство и время — априорные, т. е. допытные, формы чувственности,

* Наталья Владимировна Федорова, доцент кафедры общей и педагогической психологии ОмГПУ, кандидат психологических наук, доцент.

** Михаил Константинович Чуркин, профессор кафедры отечественной истории ОмГПУ, доктор исторических наук, профессор.

*** Дмитрий Михайлович Федяев, профессор кафедры философии ОмГПУ, доктор философских наук, профессор.

а значит, они не являются объективными характеристиками вещей и событий. Мы вносим их в мир и воспринимаем мир благодаря им и через них. Пространство и время всегда с нами. Чем-то они похожи на зеленые очки, которые неизменно носили жители Изумрудного города в известной сказке. Отсюда следует радикальный вывод: мы видим природу не такой, какова она есть, а такой, как она нам является, т. е. такой, как она видится нам благодаря априорным формам чувственности — пространству и времени.

Как возможно естествознание? Согласно Канту, оно возможно благодаря категориям — априорным формам человеческого рассудка. Категориями называют предельно широкие понятия, применимые к любой области познания и деятельности. Их специально изучает философия, но все мы употребляем их совершенно непринужденно, нисколько не задумываясь над точными определениями.

Почему они априорны? Допустим, некто взялся исследовать причины чего-либо. Этот гипотетический исследователь заранее, т. е. до опыта освоения проблемы, уже уверен, что какие-то причины есть, поскольку причины есть у всего. Таким образом, мир как совокупность законов, открываемых естествознанием, возможен благодаря категориям. Категории — вопросы, которые мы задаем природе. Ответы же зависят, во-первых, от задаваемых вопросов, во-вторых, от способов, какими мы вынуждаем природу отвечать. Основной способ — попытка (а ученый — естествоиспытатель). Аналогом попытки в науке считали эксперимент.

Приведу цитату: «Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу... Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает всё, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы» [3, с. 85–86]. Поэтому, заключает Кант, высшее законодательство природы в нас самих, человек предписывает природе законы. Какова природа сама по себе, мы знать не можем. Таким образом, человек познает не мир сам по себе, а мир «для нас», т. е. мир, упорядоченный нашей чувственностью и рассудком, мир вместе с нами.

Один из вариантов «продолжения» идей Канта принадлежит В. Ф. Эрну, который в 1914 г. объявил Канта предтечей и идеологом германского милитаризма: «О, Кант недаром чувствовал *законодательственный* характер своего разума! Хотел он предписывать законы Природе, поистине же стал Ликургом выступающего на всемирную сцену германского духа» [4, с. 102]. В статье «От Канта к Круппу» читаем, что орудия Круппа были «все немецкими», национальными а priori всего военно-политического опыта. В. Ф. Эрн заменил духовные орудия (категории) материальными (пушками Круппа), но сохранил логику кантовских рассуждений: категории несут порядок природе, крупповские орудия несут германский порядок человечеству.

Активно-победительное отношение к природе, представленное буквально прочтением Канта, присутствовало в отечественной идеологии советского периода. Разумеется, кантовские «критики» не были единственным источником установки на борьбу с природой, но, например, в «Материалах XXII съезда КПСС» [5] встречается антиномия природы и свободы, известная по работам Канта. Законной наследницей Канта стала марксистско-ленинская гносеология, согласно которой практика есть основа познания, цель познания и критерий истины. «Основа познания» означает, что мы познаем, действуя. При этом мы изменяем объект, а результатом акта познания будет объект измененный, «упорядоченный» нашим воздействием, будь то атомное ядро или общество.

На гносеологию Канта опираются современные исследования априорных познавательных установок разных видов, таких как предпосылочное, предварительное, гипотетическое, неявное, ценностное знание. «Почти по Канту» в наши дни нередко осмысливается и эволюция научного знания применительно к теме смены типов рациональности: для современного типа характерно, что знание об объекте соотносится со средствами и операциями деятельности, а также ее ценностно-смысловыми структурами.

В. В. Николин*: Философия тождества И. Канта сегодня обращает мысль к философии различия М. Хайдеггера. Кант формирует философию тождества, или тожества (наше развивающееся познание в итоге дает то же, что и познаваемое, истина — тождество образа и объекта), которая в немецкой классической философии реализуется. Хайдеггер ищет философию различия. Кант предполагает выходящими за тождество то, что не подчинено выведению и развитию: априорное чувство, трансцендентальную логику рассудка, способности суждения разума. Три способности человека дополняются четвертой — верой. Чистый разум будет завершаться верой, хотя он и так в идеалах к ней приходит, практический разум приводит к спасению (Кант ригористичен) как над-императиву, а способности суждения должны быть дополнены: кроме эстетической (прекрасное и возвышенное) и телеологической (целесообразность) способности, теологической способностью суждения (вера как источник самости и самодеятельности человека).

Кант исходит из Декарта, но со стороны субъекта. Декарт утверждает, что субъект активен, а объект пассивен и познаваем. Кант ищет структуру субъекта. Хайдеггер утверждает, что субъект не просто активен, он меняется, а объект не пассивен, а активнее и может быть умнее объекта (если мы берем не физику, а социальные науки, искусство и технику).

Изменяется познание. У Декарта субъект наблюдает объект, в его мысли возникает тождество. У Канта, помимо отражения, субъект способен к синтетическим высказываниям, и его нетождественное есть способность чувства, разума и веры к синтетике. Хайдеггер отказывается от разделения аналитического и синтетического, он ставит критерием истины возвращение сущего к бытию. У него человек

* Виктор Владимирович Николин, профессор кафедры философии ОмГПУ, доктор философских наук, профессор.

как сущее изменил мир, предав бытие, теперь, когда это изменение привело его к кризису культуры, нужен поворот обратно к бытию. Декарт снимается: примитивная схема мира и его познания, а Кант не снимается. Хайдеггер раскрывает возможности философии, которые в системе Канта не были видимы. Он призывает не к свободному творчеству мира, что в западной культуре главное достоинство человека, а к повороту творящего человека на восстановление бытия. Для этого надо увидеть различие сущего в его начале и конце. Тогда априорное, трансцендентальное и вера станут критериями возвращения человека к подлинному.

О. И. Николина*: Природа желания и взаимодействие разума и страсти (желания) рассматривается И. Кантом в двух его работах: «Критика практического разума» и «Критика способности суждения».

В «Критике практического разума» Кант анализирует соотношение разума и страсти в контексте проблемы счастья как цели существования человека. Кант ставит вопрос о способах реализации желаний, исходящих из представления о счастье, либо о стремлении быть достойным счастья через следование долгу. Кант предпочитает второй вариант, определяя источником счастья внутреннее состояние человека, живущего в соответствии с категорическим императивом. В этом случае моральная уверенность интенсифицирует удовольствие от получения желаемого. Воздействие разума на страсть проявляется как усиление удовольствия, а не как стремление разума к контролю над страстью.

Идея Канта относительно практического разума направлена не столько на действие человека, сколько на его помыслы. «Жизнь есть способность существа поступать по законам способности желания. Способность желания — это способность существа через свои представления быть причиной действительности предметов этих представлений. Удовольствие есть представление о соответствии предмета или поступка с субъективными условиями жизни, т. е. со способностью причинности...» [6, с. 320] (обычный шрифт наш, в оригинале курсив. — Л. Н.) Свобода опирается на субъективные основания, она аналогична причине. Причинность в состоянии свободы Кант сравнивает с максимой аналогично тому, как в природе причинность соотносится с законом. Под материей понимается предмет, действительности которого человек желает. Общий принцип счастья определяет здесь все материальные практические принципы. Принцип желания определяется тем, насколько то или иное представление доставляет удовольствие.

Итак, любое конечное существо (человек) желает счастья, здесь ключевым является материя, любое бесконечное существо желает закона и его определяет категорический императив, как внутренняя форма воплощения воли. Разум понимается в человеке как способ проявления бесконечного, в то время как желание понимается как проявление конечного разума.

Л. М. Карпова**: Диалектика познавательного и ценностного впервые в явной форме выступает в философском

* Ольга Ивановна Николина, профессор кафедры философии ОмГПУ, доктор философских наук, доцент.

** Лариса Михайловна Карпова, доцент кафедры философии ОмГПУ, кандидат философских наук, доцент.

учении И. Канта, где гносеология неразрывно связана с морально-этической проблематикой. Большой интерес представляет вводимая философом в теорию познания категория видимости. И. Кант различает логическую видимость, которая преодолевается путем устранения логических ошибок, и видимость трансцендентальную, идущую от познавательной способности человека, от его субъективных привнесений в процесс познания, с которой разум борется, но не преодолевает до конца. Отсюда выдвигаемое философом требование осознания субъектом границ и возможностей чистого разума.

Развитие этих идей в полной мере реализуется в различении Кантом практического и теоретического разума. В «Пролегоменах» Кант рассматривает то, каким путем разум как чистый разум становится практическим. Он находит этот путь в интересе человека к моральным законам. Практический разум имеет свое основание в априорно данной человеку идее нравственного закона, в сфере морали, в мире должного.

Говоря о специфичности практического разума, Кант подчеркивает, что он обладает первенством над теоретическим, они находятся в отношении не координации, а субординации. Кант не просто утверждает первенство практического разума, он исследует его возможности в плане устранения опасных влияний теоретического разума, обосновывает необходимость моральной направленности последнего. Философ приходит к выводу о том, что всякий интерес в конце концов есть практический и даже интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении. А это и является основой единства чистого теоретического и чистого практического разума, которое априорно и необходимо.

Важнейшей идеей Канта в контексте рассматриваемой проблемы является идея диалектической связи конститутивных и регулятивных принципов разума. Регулятивные принципы, «максимы разума», представляют в современном понимании методологическое знание («нагруженное» ценностными ориентациями субъекта), в то время как под конститутивным следует понимать предметное знание.

Априорные понятия рассудка, исследуемые Кантом, могут быть рассмотрены как такие формы предпосылочного знания, в которых сочетается когнитивное и ценностное.

Весьма плодотворны идеи философа о взаимосвязи эстетического с этическим и познавательным.

Н. Г. Красноярова***: Как представитель философской рационалистической традиции своего времени, требующей отделять «ясные и отчетливые понятия от понятий темных и смутных» (Р. Декарт), Кант достаточно скептически относился к метафоре, считая возможным лишь в некоторых случаях использовать ее в качестве вспомогательного средства в достижении познавательных целей. В то же время в своих главных философских произведениях он проявляет фундаментальную метафоричность философского мышления. Так, метафора присутствует уже в самом названии работы «Критика чистого разума»: чистый разум — это разум, свободный от зависимости разных факторов (среда,

*** Наталья Георгиевна Красноярова, доцент кафедры философии ОмГПУ, кандидат философских наук, доцент.

эмпирический опыт, данные наук и т. д.), т. е. разум, взятый сам по себе, определяемый собственными, вытекающими из своей природы законами. Чистый разум — разум, взятый в его оптимальной (эстетической) форме как совершенное единство — охватывает собой всё многообразие процесса познания и обеспечивает качественную полноту познания, его целокупность.

Задача исследования роли разума в познании проясняется Кантом рядом властных или законодательных метафор: «деспотия», «анархия» и др. Не природа задает разуму вопросы, а разум природе, и делает это как судья, задающий вопросы свидетелю. Разум сам себе судья, судит себя сам, но природа в этом процессе свидетель, которому судья-разум навязывает свои вопросы. Это всё метафоры.

Законодательные метафоры «Критики чистого разума» позволяют увидеть возможности правового сознания выступать в метафорическом смысле в философском дискурсе. В одном из актуальных исследовательских подходов в изучении конструирующей роли метафоры — контент-анализе, разрабатываемом прежде всего в политологии и лингвистике, делается интересный для философии вывод о метафоре как диагностической модели современного состояния общества. Для Канта законодательные метафоры необходимы в обосновании природы разума. Разум в своей законодательной роли, по мнению Канта, не безупречен и может нести в себе «разлад и расстройство». Присущая ему совершенно естественная антитетика помогает не убаюкивать себя чрезмерной уверенностью в своей правоте, избегать очевидной «смерти здоровой философии» (догматизма) и более легкой смерти, «эвтаназии чистого разума» (скептицизма), т. е. не склоняться к односторонней видности решения.

А. С. Савоськина*: В современном мире большое внимание отводится внешнему виду объектов, чувствам, эстетическому восприятию — всё это является составляющими частями эстетики. И. Кант выделяет эстетику в отдельную категорию, и современные философы разделяются на два лагеря по данному вопросу. Одни считают, что, выделяя эстетику в отдельную область изучения, Кант как бы отнимает эстетическую составляющую у других сфер, делая их де-эстетизированными. Другие же считают, что эстетика играет особую роль, так как человек воспринимает реальность посредством эстетического опыта.

Первая глава 3-й критики Канта посвящена критике эстетической способности суждения, в которой говорится о том, что основой эмпирического восприятия мира является чувство восхищения перед гармонией, которую сам человек не в состоянии объяснить. Исходя из того, что эстетика лежит в основе чувственного восприятия мира, она же является и основой научного познания. На эстетическом восприятии, по Канту, базируется также восприятие возвышенного и морального.

Интересно, что Кант в своей работе объединяет два противоположных тезиса: «суждение вкуса не основывает-

ся на понятиях, иначе можно было бы о нем дискутировать» и «суждение вкуса основывается на понятиях, иначе нельзя бы было о них спорить». Термин «понятие» употребляется здесь в разных смыслах: с одной стороны, как продукт рассуждения, а с другой, как продукт разума.

Эстетика — важный элемент не только для чувственно-го восприятия мира, но также для этического и морального опыта человека. Эстетическое восприятие мира приводит нас к осознанию гармонии и красоты, которые влияют на наши эмоции и моральные установки. Посредством эстетики жизнь человека становится более многогранной.

К. А. Пантафлюк**: И. Кант обозначает проблему субъекта в процессе осмысления познания вещи как объективной реальности: во-первых, познание вещи с необходимостью должно быть соотносено с категориями; во-вторых, условием познания вещи является внешнее созерцание. Только с помощью созерцания наш разум может понять и объяснить то, как именно в одной и той же вещи сменяется одно состояние на противоположное ему. Это созерцание есть созерцание движения точки в пространстве: когда мы наблюдаем одну и ту же точку в разных местах и при этом имеем противоположные определения, то само изменение становится предоставленным для нас.

Однако процесс созерцания не может быть бесконечным для человеческого познания, что обуславливает наличие границ, которые очерчивают нашу возможность познания сущности самого субъекта. Отсюда следует, что созерцание — основа для познания субъектом самого себя, а также определения субъекта как внутренней активности.

Субъект обнаруживает сам себя только при условии своей активности — оформлении ощущений посредством категориального синтеза. Основной способностью субъекта является то, что он не только воспринимает данный объективный мир (мир ощущений и готовых рассудочных понятий), но и преобразовывает его.

Преобразование означает построение нового знания из уже заранее данного другого знания. Точно так же, говоря о категориях, необходимо акцентировать внимание на том, что они, как и деятельный субъект, существуют только при условии своей активной деятельности, а именно означают то, с помощью чего происходит становление чувственных ощущений и представлений. Основная задача И. Канта в определении субъекта состоит в том, чтобы обозначить не индивидуальное Я, а субъект как таковой. Именно последний определяется как трансцендентальный, одновременно является основой каждого индивидуального Я и находится за его пределами.

Н. Л. Варова***: Оценка Канта неоднозначна в русской философии. Мнения о нем можно разделить на мнения о человеке, о философе, об учении. Так, в конце XVIII — начале XIX в. Кант воспринимался как добропорядочный христианин и мудрый философ.

Отрицательная оценка немецкой философии как отвлеченной догматической истины была сформулирована

* Кристина Анатольевна Пантафлюк, ассистент кафедры философии ОмГПУ.

** Наталья Леонидовна Варова, доцент кафедры философии ОмГПУ, кандидат философских наук, доцент.

* Алина Сергеевна Савоськина, старший преподаватель кафедры отечественной истории ОмГПУ.

в работах основателей славянофильства. На рубеже XIX–XX вв. отчетливо прозвучала негативная оценка вклада Канта, формирующего доминанту рациональности в философии со стороны В. С. Соловьева, П. А. Флоренского.

Интересны попытки рассмотреть восприятие Канта в России современными иностранными исследователями. Например, К. Кантелли выдвигает тезис о том, что оригинальность русской философии строится в ходе критики западной, которая постоянно заимствуется, в процессе рецепции искажается и критикуется с последующим отторжением от нее как чего-то губительного. В. Поцци выявляет примеры самостоятельности русской философии, которая смогла противостоять системе немецкого философа, вырабатывая собственные категории, ассимилируя и модифицируя идеи философской теории.

В обсуждении современной проблемы образования идеи Канта способствуют прояснению запроса духовной жизни. Стадии образования: 1) школьная — обучение знаниям, умениям; 2) прагматическое воспитание — формирование полезных для разумной социальной жизни умений; 3) моральное

образование как цель, которая должна осознаться с самого начала, — усвоение общечеловеческой точки зрения и развитие способности к свободному и ответственному действию на основе самостоятельного решения.

Участовавшие в круглом столе студенты факультета истории, философии и права поделились наблюдениями: о значении личности Канта для творчества А. Блока (И. Головкин); об отражении в портретах Канта базовых категорий его концепции (А. Шумаков, А. Толстая); об отражении житейской мудрости в кантовских афоризмах (Н. Соколовский, Д. Таутова, М. Елеусизова); о влиянии идей Канта на развитие русского общества XVIII в. (В. Хмарук, О. Нечаева, Ж. Сагитова); об историко-ментальной конфигурации Кенигсберга времен Канта (Б. Буханько).

Заключение (Conclusion)

Состоявшийся научный полилог доказал продуктивность совместного научно-философского дискурса историков и философов для расширения содержательного диапазона обсуждения научного наследия И. Канта.

Библиографический список

1. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 107–439.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219–310.
3. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. С. 70–756.
4. Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 96–107.
5. Материалы XXII съезда КПСС. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. 463 с.
6. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 312–505.